

УДК 81'27:811.35

ББК 81.001.2

М 63

Мазанаев Ш.А.

Доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета Дагестанского государственного университета

Гасанова М.А.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Дагестанского государственного университета, e-mail: gas.marina@mail.ru

**Религиозный и магический коды культуры в табасаранской
паремиологической картине мира
(Рецензирована)**

Аннотация:

Исследуется репрезентация религиозного и мистического кодов культуры на материале табасаранских пословиц и поговорок. Рассматриваются ключевые концепты, реализующиеся в табасаранской языковой картине мира посредством мифолого-религиозных, магических и обрядовых представлений. Установлено, что определенная группа паремиологических единиц представляет собой результат синтеза древнейших языческих представлений и морально-этических норм ислама, как и в русской культуре, например, также имеет место взаимодействие языческих представлений и христианских установок о жизни и смерти.

Ключевые слова:

Табасаранский язык, пословицы и поговорки, паремиологические единицы, концепт, религиозный и магический код культуры.

Mazanaev Sh.A.

Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Philology, Daghestan State University

Gasanova M.A.

Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Theoretical and Applied Linguistics, Daghestan State University, e-mail: gas.marina@mail.ru

**Religious and magical culture codes in the
Tabasaran paremiological picture of the world**

Abstract:

The representation of religious and magical culture codes is studied using the material of Tabasaran proverbs and sayings. Key concepts realized in the Tabasaran language picture of the world are examined through mythological, religious, magical and ritual performances. It is inferred that a certain group of paremiological units is the result of the synthesis of ancient pagan beliefs and moral and ethical norms of Islam. Similarly in Russian culture, for example, there is also an interaction of pagan beliefs and Christian attitudes about life and death.

Keywords:

The Tabasaran language, proverbs and sayings, paremiological unit, concept, religious and magical culture code.

Религиозный код культуры, представленный в языковой картине мира, характеризуется сложностью структуры и многослойным ассоциативно-семантическим полем, репрезентированным большим количеством вербализаторов. Ядерными компонентами, реализующими религиозный код культуры в табасаранской паремиологической картине мира, являются следующие лексемы: *Аллагъ* «Аллах», *суваб* «воздаяние», *гюнегъ* «грех», *сабур* «терпение», *гьюрмат* «уважение, почитание», *абур* «достоинство», *намус* «совесть», *женнет*, *ахират* «рай», *жегьеннем* «ад», *жан* «душа, жизнь», *жин*, *шейтлан* «бес, черт», *умур* «жизнь», *аьжал* «смерть», *кьисмат* «судьба», *аьхир* «конец», *аьдат* «обычай», *пайгьамбар* «пророк, ангел», *мист* «мечеть», *гьярам*, *гьялал* «недозволенное, дозволенное», *малла* «мулла», *садакья* «подавание».

Бог – это одно из главных религиозных понятий, которое означает некую объективированную сверхъестественную сущность, выступающую объектом поклонения [3]. Понимание концепта «бог» как ключевого образа в религиозном коде культуры специфически определяется каждым народом. Бог в табасаранской религиозной этнокультуре именуется словом-именем *Аллагъ* «Аллах», этимологически восходящим к арабскому слову *иллях* «божество, объект поклонения». В отличие от русской языковой картины мира, где одним из основных компонентов, репрезентирующих семантическую модель концепта «Бог» является лицо, лик божий, в табасаранской картине мира бог безлик, что обусловлено религиозным запретом на изображения лиц.

Основными символически значимыми компонентами концепта «бог» в табасаранской паремиологической картине

мира являются:

1. **Власть, могущество:** *Аллагьди тувиган, пайгьамбрихьан гьанлуз шулу?* «Если Аллах дал, что может сделать Пророк?», *Увкан Аллагь гьахьнийиши, йиз хутлиз мархьуб гьидайва* «Если бы ты стал Аллахом, то не пустил бы дождь на мое поле».

2. **Творец, создатель, сотворитель мира:** *Аллагьди я алабхьдар, я убздар, амма булбегьер гьадабгьуру* «Аллах не сеет, а богатый урожай собирает». *Вари Аллагьдин кьадар вушира, члат ктучлвуб илбалан ву* «Всё от Аллаха, а испражнения от еды».

3. **Судья:** *Машинаь кьурур – инсанарин, кьяляхь кьурур Аллагьдин душман шул* «Кто в лицо говорит – враг для людей, кто за спиной – для Аллаха», *Халкьдин агьнакк ккахьур, халикьрин балайиккра ккахьур* «Кого народ проклянет, на того и Всевышний беду найдет».

4. **Хранитель, благославитель** (традиционно любое дело следует начинать с его упоминания): *Жанавар гьябкью дажи Аллагьдиз ккарабгур: «Я Аллагь, узу нивкьуь айи гьисаб алин»* «Увидев волка, осел взмолился: «О, Аллах, пусть мне все это снится», *Му, ув'ина – аманат, уву – Аллагьдиина* «Это доверяю тебе, а тебя – Аллаху».

Рассматриваемые паремиологические образы характеризуются компаративной семантикой и этнокультурными коннотациями, реализуемыми посредством использования параллельных форм и различных семантико-синтаксических средств. *Жизнь* и *смерть* являются важными составляющими религиозного кода культуры, подкрепляемыми многочисленными обрядами и суевериями.

При комплексных исследованиях фразеологической и паремиологической картин мира благо- и злопожелания рас-

смаатриваются как обязательные компоненты этих сфер языка. Благопожелания и проклятия в структурно-семантическом аспекте близки к паремиологическим единицам и нередко этимологически к ним восходят. С одной стороны, данные языковые единицы направлены к элементам сверхъестественного уровня, а с другой – к повседневной, бытовой жизни.

Религиозная лексика часто встречается в табасаранских благопожеланиях и злопожеланиях, что связано с верой в высшие силы и верой в магию слова: *Яв кIван хиялар Аллагъди дюзелмиши аИрияв* «Пусть Аллах исполнит все твои желания», *Аллагъди уьрхриву* «Пусть Аллах тебя бережет», *Ухьуз Аллагъдири гьун хьиври* «Пусть Аллах нам солнечные дни пошлет». В благопожеланиях встречается понятие *къисмат* «судьба», содержащее религиозный подтекст: *Ужуб йишив къисмат ибширивуз* «Пусть судьба пошлет тебе хорошее место».

Характерной особенностью воспроизведения благопожеланий и проклятий является, как правило, добавление таких обращений, как *Я Аллагъ* «О, Аллах», *Я Аллагна я рабин* «О, милостивый Аллах», даже при отсутствии в высказывании религиозного подтекста: *Я Аллагъ, гьаммишан шадди гьузриву* «О, Аллах, пусть будешь всегда веселым» *Я Аллагна я рабин, гьанIу гаф бахт кайиб иширияв* «О, милостивый Аллах, пусть каждое слово будет счастливым».

Благопожелания можно условно сгруппировать по следующим тематическим группам:

1. По случаю свадьбы, замужества: *Сумчир мубарак ибшири* «Поздравляем со свадьбой», *Гьахи швушив гьуллугънаъ айир ибшири* «Пусть новая невеста будет при работе», *Хурайи швушив мубарак ибшири, бахтар хьайир ибшири* «Поздравляем новую невесту, пусть будет счастливой», *Саб хал саб накъв ибшири* «Один дом – одна могила» [пожелания девушке, выходящей замуж];
2. Благопожелания, связанные с семейными отношениями: *Веледарикан кIваз рягъят ибширияв* «Пусть дети твои принесут тебе сердечного покая», *Ахьударин кIваъ рягъмиври* «Пусть сердце старших милостью наполнится», *Абайихъ усал бай даришири* «Пусть не будет у отца трусливого сына», *Ургур байна ургур рши иширивуз* «Чтобы родилось у тебя семь сыновей и семь дочерей»;
3. По случаю рождения ребенка: *Гьахи бицIир бахтлу ибшири* «Родившийся ребенок пусть будет счастливым», *Яв бицIир мубарак ибшири, абйир-бабарин гьуллугънаъ айир ибшири* «Поздравляю с рождением ребенка, пусть он родителям в помощь будет», *Кьяляхъ чве'яр хьаюришири* «Пусть за ним братья родятся»;
4. Религиозные благопожеланиями: *ЧIуру балайиккан Аллагъди уьрхри* «Пусть Аллах от плохой беды уберезет», *Ахират ужуб ибшири!* «Хорошей жизни после смерти!», *Гьарсаб вахтна Аллагъ кюмек ибшири* «Пусть Аллах всегда поможет»;
5. Благопожелания, связанные с сельскохозяйственной и бытовой деятельностью: *Аванд Аллагъди аИри* «Пусть даст Аллах богатый урожай», *Яв хал авадан ибширияв* «Пусть твой дом всегда будет в достатке»
6. Благопожелания-напутствия: *Ягьур ибширивуз!* «Счастливого пути!», *Нана гьуишира ягьур ибширивуз!* «Куда бы ни пошел – счастливого пути!», *Алдабгьу лик ягьурлуб ибшири* «Пусть каждый сделанный шаг будет счастливым», *Уву алдабгьу лик гьич зяъя даришири* «Пусть ни один сделанный шаг не будет напрасным», *Рякъ акуб ибширияв* «Пусть дорога светлой будет»;
7. Благопожелания, выражающие сочувствие, соболезнование по поводу постигшей утраты: *Сабур тувривуз* «Терпения тебе», *КIван сабур Аллагъди туври* «Пусть даст тебе Аллах ду-

- шевного терпения»;
8. Благопожелания, выражающие благодарность за оказанную помощь: *КIвaz рягьят ибирияв* «Пусть сердце будет спокойным», *Хилариз рягьят ибирияв* «Пусть руки будут спокойны»;
  9. Благопожелания, адресованные больному: *Жан сагь ибирияв* «Здоровья тебе», *Ипуз-ухьуз сагь 'вал туври* «Чтобы есть и пить здоровья и сил тебе»;
  10. Благопожелания, употребляемые при рассказе об увиденном сне: *Хайирназ ибири* «К пользе пусть будет», *Ужувлаз ибири* «К добру пусть будет»;
  11. Благопожелания работающему: *Аллагь кюмек ибири* «Бог в помощь», *Кьувватду ибириу* «Силы тебе», *Аллагьди кьувват тувриу* «Пусть Аллаха тебе силы даст».

Традиционно произнесение проклятий представляет собой ритуал, направленный на желание негативного воздействия. Причина обращения к проклятиям связана с обидой, неприязненным отношением, завистью. Данные речевые формулы являются прагматично сориентированными, предполагающими обязательное наличие конкретного адресата или адресатов.

Художественно-изобразительные средства проклятий представлены метафорами, сравнениями, эпитетами. Например, эпитет *кIаруб* «черный» встречается часто, что естественно, так как символизирует несчастья, беды, смерть, мрак и тьму: *Уьмур кIаруди гьарахрияв* «Чтобы твоя жизнь в **черном** прошла», *КIари гьюлиз гьарахриу* «Пошел ты к **черному** морю», *КIаривали ахьриу* «Чтобы ты в **черноту** упал» [= носил, не снимая, траур].

Показательно, что объектами проклятий, в основном, становятся лица мужского пола (сын, брат, отец). Проклятий, относящихся к матери, сестре, дочери, практически не встречается. Это свидетельствует о более высоком социальном статусе мужчине и его доминировании, что подтверждает следующая таба-

саранская пословица: *Люкь пьси ис шул, амма пь люкьси за даршул* «Орел как курица опуститься может, а курица не сможет подняться как орел». В табасаранском языке образ орла наделяется положительной «мужской» символикой, а женская же зоонимическая метафора подчеркивает социальное неравенство женщины.

Проклятия можно условно классифицировать по следующим тематическим группам:

1. Проклятия, связанные с частями человеческого тела. Это наиболее обширная группа: *УнтIаь айи ул утIурчврияв* «Чтобы глаз на лбу лопнул», *КIвaz рягьят дарибирияв* «Чтобы твое сердце никогда не успокоилось», *КIул уьбргьрияв* «Чтобы твоя голова сломалась», *Мелз кьатI-кьатI ибирияв* «Чтобы язык твой в кусочки превратился», *Яв мелз ибицирияв* «Чтобы твой язык растаял», *КIваь шаритIибишврияв* «Чтобы на твоём сердце чеснок разминали», *Куш алдатIрияв* «Чтобы волосы тебе отрезали» [= говорят девушкам], *Хилар кьатI-кьатI ибирияв* «Чтобы твои руки переломались».

2. Проклятия, связанные с хозяйственной деятельностью, домом человека: *АпIурайиб улихь даришрияв* «Что ты делаешь, пусть вперед не идет», *Руг убгрияв* «Пусть твоя земля горит», *Уву гьипIубна гьанIуб гьярам ишриу* «Чтобы ты не съел и не сделал пусть тебе впрок не идет», *Хал гадабхьрияв* «Чтобы твой дом разрушился».

3. Проклятия, связанные детьми: *Яв жинс гутIрияв* «Чтобы твой род прервался», *Яв тум ккарабхьрияв* «Чтобы твое семя прервалось», *Жили велед хьриририуухь* «Чтобы сына не смогли зачать». Данные формулы обнаруживают гендерный подтекст, так как направлены преимущественно на детей мужского пола. Рождение сына в большинстве культур мира считается более радостным событием, нежели дочери.

4. Проклятия, связанные с жизнью и смертью человека. В табасаран-

ских формулах пожелание смерти адресату может быть представлено эксплицитно или же смерть (*аьжал*) желается индизказательно, метафорично и описательно: *Гъушуйишив'ан кьяляхъ дарифрува* «Чтобы назад не вернулся», *Уьмур ярхиб дарибшериав* «Чтобы жизнь твоя длинной не была», *Сагъ-саламатди дарифриву* «Чтобы ты живым-здоровым не вернулся», *Юкьюрди гъайихриву* «Пусть четверо тебя несут» [= в качестве покойника], *Аьхир пуч ибширияв* «Конец твой пусть будет плохим».

Структура данных высказываний часто строится на трех компонентах: субъект – предикат – объект. Проклятия, как правило, оформлены в восклицательные предложения, глагол в них стоит в повелительном наклонении.

Схематически формулы проклятия складываются по следующему образцу:

1. «Чтобы тебя + обозначение насылаемой злой силы, несчастья + глагол, обозначающий их воздействие на адресата»: *Яв бегьерназ цлаи йиври* «Пусть огонь твой урожаем сожжет», *Яв клулина аьхи бала гъюрияв* «Пусть на твою голову большая беда придет», *Тумдиз цла аьврияв* «Семя твое [= дети, потомки] пусть огонь сожжет»;

2. «Чтобы ты + глагол (погиб, пропал, разорился или остался одиноким)»: *Йитим ибшириву* «Чтобы ты осиротел», *Маш гъядапхърияв* «Чтобы твое лицо упало», *Дуклу гъюдубчлвриву* «Чтобы ты сгинул».

Таким образом, проклятие – это особого вида фольклорный жанр, основанный на вере человека в силу и магию слова. Специфическими особенностями табасаранских проклятий, как паремий, краткость, лаконичность, образность, идейно-смысловая значимость, яркость, ритмичность, поэтичность языка и образов.

Образ *смерти* противостоит образу рождения как символу жизни. Соответственно, в табасаранской этнокультуре рождение и смерть наделяются разными обрядовыми сопровождениями.

Смерть в табасаранских пословицах и поговорках может персонифицироваться, о чем свидетельствуют следующие примеры: *Аьжали дугъан аьв зигура* «Его смерть зовет», *Аьжализ мажал адар* «Смерть не ждет». Однако имеют место паремиологические единицы, в которых концепт *смерть* наделяется положительной семантикой, оказываясь предпочтительней жизни: *Вардарихъди йиклубра бахт ву* «Со всеми умереть тоже счастье», *Клул'инди сумчиртлан, вари халкъдихъди салам ужу ву* «Лучше со всеми на похоронах быть, чем одному свадьбу играть».

Посредством пословичного дискурса актуализируется мысль о неизбежности смерти и равноправии всех перед ее лицом: *Йиклайиз сабан кьан фуж вуира гъавриъахъру* «До смерти каждый да познает хоть одну истину», *Дюн'яйин мал-девет дюн'яйин гъузру* «На этом свете нажитое здесь и останется». Социальный статус и богатство теряют значение в ее глазах, что может подчеркиваться таким компонентом, как *вари* «все»: *Вари йиклуру* «Все умрут», *Вари дуиваъ шулу* «Все там будем».

Смерть в любой лингвокультуре, как правило, предстает в виде силы, независимой от человека, она есть нечто неизбежное, с чем человеку лучше смириться (ср. репрезентацию смерти в русской и табасаранской паремиологических картинах мира: *Перед судьей, да перед смертью замолчишь, Как ни вертись, а в могилку ложись, От смерти ни отмолишься, ни открестишься, Смерть не свой брат, разговаривать не станет.* – *Аьжал хътлубкъу битл рякъюн кьял'ина удубчлвуру* «Когда приходит время смерти, змея на середину дороги выползает», *Аьжал хътлубкъу хуйи, эйсийин шаламар гъахуру* «Когда смерть подступает, собака чарыки хозяина уносит»).

Так как *смерть* в паремиологических единицах предстает как неизбежная сила, что лишает человека жизни, то ее неизбежность влечет за собой необходимость покорения. В табасаранской паремиоло-

гической картине мира представлены половицы и поговорки, выражающие философское отношение к неизбежному уходу. Мотив смирения отражен в следующих паремиях: *Йиклурушра, чуру гьянафийи даричри* «Если уж умереть, то не от плохого кинжала», *Йиклуб йиклуб ву, хъа гучI анлуб фу ву?* «Умирать – значит смерть, а что значит бояться?», *Йиклуб йиклуб ву, хъа хъунтIар анлуб гъаз ву?* «Раз суждено умереть, зачем сопли распускать?».

Смерть делает значимое при жизни бессмысленным, таким образом, осуществляя переоценку ценностей. В связи с этим актуализируется представление об истинных ценностях человека. И религиозное мировоззрение характеризуется стремлением к духовным ценностям и порицанием жадности материальных благ. Соответственно, образ *богача* в табасаранских паремиях наделяется отрицательной коннотацией, так как отдается приоритет духовным ценностям. В частности, актуализируется идея о моральном бессмертии достойного человека, героя, способного пожертвовать собой ради Родины: *Ватан уьбхюз ккунириз йикIбахъан гучI шулдар* «Защитник Родины смерти не боится», *Игит гъачIиган ад, уста гъачIиган, ляхин гъубзур* «Герой умрет – слава останется, мастер умрет – работа останется». Данные качества являются нравственным мериллом мужских качеств, что говорит о наличии гендерного подтекста религиозного кода культуры. Человек оценивается с точки зрения того, что он оставляет в этой жизни после себя. Имя достойного человека не умирает вместе с ним, а остается в доброй памяти людей: *Игит гъачIиш, ад гъубзур, усалур гъачIиш, фу гъубзур?* «Слава остается после смерти героя, а что остается после смерти труса?».

Но есть такие негативные, отрицательные качества человека, которые трудно или невозможно исправить: *Марцици юкIв айир цIихъанра ургуз даришул, чирки-нур шитхъанра марцицI анIуз даришул* «Чистое сердце и огонь не сожжет, а грязное

сердце и вода не очистит», *Марцици дарур гьямамдихъанра марцицI анIуз шулдар* «Грязного [непорядочного] и в бане не отмыть».

В ассоциативное поле концепта «смерть» входит понятие «страх». Понимание неизбежности смерти не избавляет человека от страха. Страх – это эмоциональное состояние человека, возникающее в опасных ситуациях. Понятие страха осуществляется различными языковыми средствами, в том числе и посредством идиоматических выражений. Но репрезентация образов страха в разных языковых культурах носит выраженный национально-специфический характер: *ГучIрур ухди хуйи дисуру* «Трусливого собака кусает», *Хуйиз чан ибар алдатIурихъан гучI шулу* «Собака боится того, кто ей уши отрезал», *ГучIру гъюр мукъа йибкIур* «Трусливый заяц в норе умирает», *Албагу илхийиз жанаврихъан гучI даришул* «Дружному табуну волк не страшен», *Ватан уьбхюз ккунириз йикIбахъан гучI шулдар* «Защитник Родины смерти не боится».

В табасаранских паремиях, обозначающих страх, одними из смыслообразующих компонентов могут выступать соматизмы. Символически использованные соматизмы формируют этнокультурные идиоматические образы: *ГучIбах улариинди, кучIлях гафариинди аьгъю шулу* «Труса по глазам узнают, лжеца – по словам», *ГучIру улиъ ухди чIюр хабхъур* «В трусливый глаз соринка быстро попадает», *Дажди ибар гъутIурччвну кIури, жанавриз дидхъан гучI даришул* «Даже если осел начнет трясти ушами, волк не испугается». Табасаранские паремии свидетельствуют о том, что страх перед смертью большей частью связан, когда создается ситуация угрозы жизни со стороны (человека, зверя и т.д.), тогда как обычная смерть по болезни в народном сознании воспринимается как нечто данное, предписанное свыше, естественное по своей неизбежности.

В паремиологической картине мира представлены религиозные образы черта, ангела, пророка: *Йиз гучI – шейтIназ,*

шейт *Инин гуч* – узус «Мой страх – чёрту, чёрта страх – мне», *Чимлин къабликк дубсу шейт* *Иан гаиу гъабк* *Ину* «Под кизиловое дерево севший шайтан с голоду умер» [кизиловое дерево раньше всех зацветает, но плоды созревают позже всего], *Аллагъди тувиган, пайгъамбрихъан гъан* *Иуз шулу?* – букв. «Если Аллах дал, что может сделать Пророк?», *Агъдруриз, пайгъамбри гъанишира, кар ан* *Идар* – букв. «Невежде хоть Пророк будет втолковывать, до него все равно не дойдет». Образ черта (*шейт* *Иан, жин*) в табасаранских пословицах может репрезентировать человеческое состояние бесноватости, одержимости: *Думу рякьюрайи жин ву* «Он видимый бес», *Жин улубч* *Ивну* «Бес вселился».

Образ *черта* в текстах пословиц связан не только с реализацией семантики зла, отрицательных поступков, но и может наделяться положительной коннотацией, но при условии использования символически значимой оппозиции «свой-чужой»: *Жарадарин малайикт* *Иан жевуван шейт* *Иан багъадиву* «Лучше свой черт, чем чужой пророк».

Образ религиозного служителя в табасаранской паремиологической картине мира наделяется отрицательной коннотацией, обнаруживая тенденцию к дифференциации веры, религии и религиозных служителей: *Маллайиз «ча»* *Кларва – дерехъур, «ма»* *Кларва – дшила хил гъач* *Абккур* «Мулле «дай» скажешь – не слышит, а «на» скажешь – сразу руку протягивает», *Маллайихъна хил тувган, яв тлубахъ тлубланар хъмиш лиг* «Подал руку мулле, проверь, на месте ли кольца», *Кариз гуч* *И, маллайиз нач даршул* «У глухого [человека] страха нет, у муллы – стыда».

Часто паремиологический образ *муллы* репрезентирован посредством пищевого кода культуры, актуализируя такие отрицательные качества, как ненасытность, жадность, алчность: *Маллайи гули ин* *Идар, ккабхъиш, галра гъитдар* «Мулла лука не ест, а если найдет, то и **кожуры** не оставит», *Маллайи марци шитланра*

хах алдабц *Иуру* «Мулла и с чистой **воды сливки** снимает», *Маллайикк хъуб функка* «У муллы пять **животов**».

В табасаранской языковой картине мира актуализируются и древние религиозно-мистические представления языческого характера. Так, интересный паремиологический образ представлен пословичным дискурсом *Саб муртайиш дигъул алдан* *Ирур, саб цлик* *Иракан гъалав ан* *Ирур* «Одним яйцом село накормит, из одного клубка шерсти ковер соткет», который актуализирует, с одной стороны, образ ловкого, изворотливого человека, а с другой, на наш взгляд, имплицитно выражает древние поверья табасаранцев в домового *Рух бав*.

Считается, что табасаранский домовый предстает в образе женщины, старухи, которая наваливается на спящего человека, и он становится счастливым и богатым. Это подтверждается бытующей поговоркой *Бахтавар, Рух бавалахъур* «Счастливец, на кого *Рух бав* навалилась». Если домовой посидит на продуктах, то они становятся неиссякаемыми. Вера в это репрезентирована в многочисленных приговорах, обращенных к *Рух бав*: *Чим айи ц* *Ахлиз, пул айи сундкъиз, хю айи танхлиз гъарах, Рух бав!* «*Рух бав*, иди к кувшину с маслом, сундуку с деньгами и ларю с мукой!».

Согласно представлениям табасаранцев *Рух бав* обладает волшебными предметами. Это шапка-невидимка и клубок нитей, который, сколько ни разматывай, не кончается и не меняет формы [4]. Мы полагаем, что возможным источником ряда паремиологических единиц стали поверья табасаранцев в существование сверхъестественных сил.

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что определенная группа паремиологических единиц представляет собой результат синтеза древнейших языческих представлений и морально-этических норм ислама, как и в русской культуре, например, также имеет место взаимодействие языческих представлений и христианских установок о жизни и смерти.

Примечания:

1. Гасанова М.А. Словарь табасаранских пословиц и поговорок. ИПЦ ДГУ. Махачкала. 2014. 208 с.
2. Гасанова М.А. Символика чисел в табасаранской паремиологии// Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Вып. 2. 2012. С. 155-159.
3. Сефербеков Р.И. Традиционные религиозные представления табасаранцев (боги и демоны; верования связанные с животными). Махачкала, 2000. 16 с.
4. Anna Wierzbicka. Introduction // In: A. Wierzbicka. Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. - Oxford: Oxford University Press, 1992, p.3–27.

References:

1. Gasanova M.A. Dictionary of the Tabasaran proverbs and sayings. IPTs DGU. Makhachkala. 2014. 208 pp.
2. Gasanova M.A. The symbolism of numbers in the Tabasaranparemiology // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. PhilologyandtheArts. Iss. 2. 2012. P. 155-159.
3. Seferbekov R.I. Traditional religious concepts of the Tabasarans (gods and demons; beliefs associated with animals). Makhachkala, 2000. 16 P.
4. Anna Wierzbicka. Introduction // In: A. Wierzbicka. Semantics, Culture, andCognition: UniversalHumanConceptsinCulture-SpecificConfigurations. - Oxford: OxfordUniversi-tyPress, 1992, p.3–27.